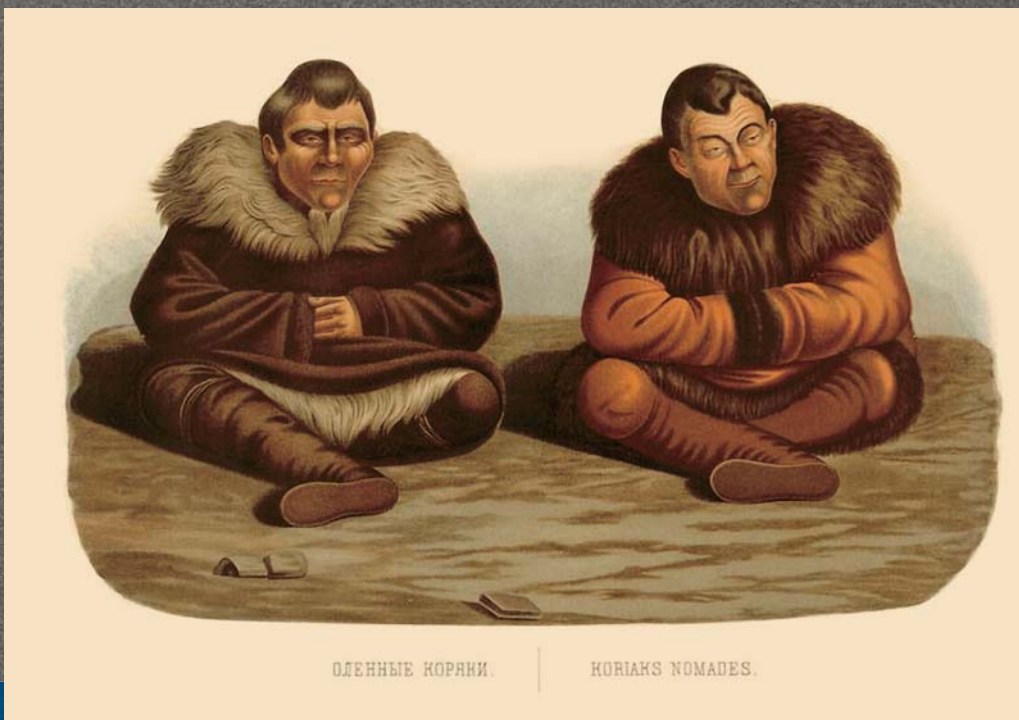

А. Х. ЭЛЕРТ

«ОГНЕННЫМ БОЕМ С НИМИ, КОРЯКАМИ, УПРАВЛИВАТЬСЯ ТРУДНО»

К ИСТОРИИ
руско-корякских
отношений: разгром
Большого посада
в 1714 г.

ОДЕЯННЫЕ КОРЯКИ.

KORIAKS NOMADES.

Русские люди начали проникать на просторы Сибири еще на рубеже XI—XII вв., однако этот процесс начал приобретать массовый характер лишь в конце XVI в., после похода знаменитого атамана Ермака. С того времени границы российского царства стали неумолимо расширяться «встречь солнцу», хотя сам процесс присоединения к России огромного сибирского региона растянулся без малого на три столетия и был очень неоднозначным. Не только в общественном сознании, но и в научной литературе бытует мнение, что открытие новых земель на востоке автоматически означало их присоединение к России. При этом часто не принимаются во внимание масштабы сопротивления русской колонизации отдельных групп местного коренного населения, благодаря чему чукчи, к примеру, формально ставшие российскими подданными в конце XVIII в., фактически сохраняли свою независимость вплоть до 1920-х гг. С самых первых контактов непросто развивались и отношения русских с коряками, покорение которых сопровождалось серьезными вооруженными столкновениями. Понять истоки подобной «войны» между русскими «государевыми людьми» и аборигенным населением помогают документальные свидетельства той эпохи. Эта публикация посвящена событиям одного из самых кровавых периодов в истории русско-корякских отношений, которые стали известны благодаря архивным документам и рассказам очевидцев, собранным академиком Г. Ф. Миллером

Первые контакты русских служилых людей с коряками произошли уже в середине XVII в., однако походы казаков до конца этого века особых успехов не имели, и большая часть коряков не была обложена данью. Ситуация резко изменилась после открытия Камчатки, поскольку именно через земли коряков пролегали основные пути на полуостров. Отряды служилых и промышленных людей, устремившихся в «новую землю», быстро восстановили против себя пенжинских и олюторских (алюторских) коряков, живших на перешейке, соединявшем Камчатку с материком. Жестокость и грубый произвол, допускаясь при сборе *ясака* (подати в натуральном, преимущественно мехами, или денежном выражении) при постое и обменных операциях, вызвали ответные действия аборигенов.

Первая половина XVIII в. — это цепь непрерывных военных столкновений между русскими служилыми и коряками, когда обычными стали как разгромы аборигенных острожков, так и убийства ясачных сборщиков и промышленных людей, нападения на отряды, шедшие на Камчатку с провиантом и оружием и обратно с ясачной казной. Зачастую победные реляции анадырских приказчиков о полном разгроме «немирных» корякских острожков не успевали дойти до Якутска, как им вдогонку спешили гонцы с паническими сообщениями о том, что коряки вновь «заворовали» и путь на Камчатку перекрыт.

Дело доходило до того, что коряки отваживались нападать на отряды служилых, имевших на вооружении не только пищаля (вероятно, аналог европейского мушкетера) и аркебузов, но и пушки, добываясь при этом успеха. Коряки не только не испытывали страха перед «огненным боем», но и сами использовали захваченное огнестрельное оружие. Казаки, в свою очередь, вынуждены были приноравливаться к корякским

Ключевые слова: Сибирь, Камчатка, академик Миллер, Вторая Камчатская экспедиция, коряки, олюторский Большой посад.
Key words: Siberia, Kamchatka, academician Mueller, Second Kamchatka expedition, koryak, olyutorskiy Bolshoy posad

© А. Х. Элерт, 2019

ЭЛЕРТ Александр Христианович — доктор исторических наук, заведующий сектором археографии и источниковедения Института истории СО РАН (Новосибирск). Специалист в области дешифровки, переводов и исследования рукописей XVII—XVIII вв. Член Президиума Международного научного общества Георга Вильгельма Стеллера, редколлегии российско-германской серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». Автор и соавтор более 130 научных работ

методам и средствам ведения войны. Назначенный камчатским приказчиком сын боярский* Петр Чириков, отряд которого направлялся из Анадырского острога на полуостров, был перехвачен олюторскими коряками и потерял убитыми 10 человек (ранено около 20-ти), писал: «К такому воинскому делу надобно искусных и одежных куяшников, а без куяков [пластинчато-нашивных доспехов] и без лушников в здешней стране одним огненным боем с ними, коряками, управиться трудно, для того: огненные бои они вызнали, на боях порядки не руския».

Отметим, что отряд Чирикова состоял из пятидесятника, четырех десятников и около пяти десятков рядовых служилых, которые имели при себе две медные пушки, сто ядер, пять пудов свинца и восемь пороха, не считая ручного огнестрельного оружия. Большая часть этого вооружения была захвачена коряками.

В борьбе с русскими служилыми коряки проявляли мужество, упорство и крайнее ожесточение. Нередкими были случаи, когда они, терпя поражение, поджигали свои жилища и погибали в них целыми семьями, чтобы не попасть в плен. Беспощадно и зачастую изощренно-жестоко коряки расправлялись с попавшими в их руки русскими служилыми.

Неприятной неожиданностью для русских властей явилось то, что испытанная и достаточно эффективная в отношении других сибирских народов практика захвата «аманатов» (заложников)

* Сын боярский – казачий чин. Дети боярские служили за жалование, по материальному обеспечению мало отличаясь от рядовых служилых, но были выше по статусу. Из их числа обычно выбирали приказчиков ясачных зимовий и острогов, сборщиков ясака, руководителей небольших отрядов

Коряки – коренной народ северо-востока Сибири. Корякский язык относится к чукотско-камчатской семье палеоазиатских языков и наиболее близок к чукотскому. Коряки традиционно делились на два хозяйственно-культурных типа: первый был представлен группами оленеводов, кочевавшими в материковой тундре, второй преобладал у оседлых («сидячих») жителей в низовьях рек и на морском побережье, основным занятием которых были рыбный и зверобойный промыслы. Среди оседлых коряков в языковом отношении выделялись олюторцы (сейчас их обычно именуют алюторцами), диалект которых многими учеными признается самостоятельным языком. В настоящее время коряки проживают в основном в Корякском автономном округе Камчатской области, а также в Магаданской области и Чукотском автономном округе. О численности коряков в начале XVIII в. имеются лишь самые приблизительные данные: от 7 до 13 тыс., по оценкам разных исследователей. По данным же переписи 2010 г., их общая численность в начале XXI в. составляла 7953 человека. При этом только каждый пятый из них владел родным языком, тогда как в 1959 г. таких было абсолютное большинство (99,6%)

Рыба, мясо и жир морских животных составляли основную пищу оседлых коряков. Большая часть рыбы потреблялась в виде сушено-вяленой юколы, исключительно лососевой. Высушенная и мелко истолченная рыба (порса) использовалась в качестве закуски: к примеру, у коряков было принято закусывать порсой мухоморы, потребление которых и сегодня нередко сопровождается исполнением традиционных песен, сказок и преданий

в данном случае не срабатывала. Коряки (как и чукчи) отказывались подчиняться и платить ясак ради сохранения жизни своих сородичей. Знаменитый исследователь Камчатки С. П. Крашенинников так писал о коряках: «Все вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердные люди».

Можно предположить, что эта резкая характеристика отражает, в первую очередь, настроения камчатских служилых, от которых ученый получил много сведений по истории освоения Камчатки, быту и нравам коренных жителей региона. Сами же анадырские и камчатские служилые явно не были образцом милосердия. Документы первой половины XVIII в. свидетельствуют о том, что их походы против непокорных коряков нередко сопровождалось безудержными грабежами, захватом «погромного ясыря» (рабов), а то и истреблением жителей поселений.

Г. Ф. МИЛЛЕР: «ОХОТА МОЯ К УСЛУЖЕНИЮ ОБЩЕСТВУ...»

Многим современным любителям истории имя Герарда Фридриха Миллера практически незнакомо, тогда как в XIX в. некоторые отечественные ученые называли этого российского академика немецкого происхождения не иначе как «отец сибирской историографии». До сих пор без ссылок на труды Миллера не обходится почти ни одно серьезное исследование по истории Сибири XVI—XVIII вв., этнографии и языкам ее коренных народов.

Уроженец германского г. Герфорда, Миллер изучал философию и изящные искусства в университетах Рингельна и Лейпцига. В 1725 г., получив степень бакалавра, он почти сразу же отправился в Петербург, где была открыта Императорская Академия наук, и уже в возрасте 25 лет получил звание профессора. За 58 лет жизни в России Миллер, ставший русским подданным, успел сделать невероятно много: спустя столетие после смерти его характеризовали как «самого трудолюбивого из русских академиков». Миллер стал основателем целого ряда новых научных направлений, в своих теоретических и практических разработках зачастую значительно опережая свое время. Важнейшей вехой в судьбе ученого стало путешествие по Сибири в качестве неофициального руководителя академического отряда Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. — одного из самых грандиозных научных мероприятий за всю историю полевых исследований. Миллер посетил все уральские и сибирские уезды, за 10 лет путешествий собрал огромный массив ценнейших материалов по истории, экономике, географии, демографии, археологии, этнографии и языкам коренных народов Сибири. Основные и наиболее ценные материалы по этнографии были получены им непосредственно от коренных жителей.

Сибирское наследие Миллера — это десятки монографий и статей по истории и географии региона, карты, историко-географические описания уездов, путевые заметки, полевой дневник, насчитывающий 2,5 тыс. страниц, а также этнографические труды. Миллер обнаружил и приобрел для Академии почти все известные в настоящее время сибирские летописи (в том числе знаменитую Ремезовскую). Под его руководством в сибирских архивах было скопировано около 10 тыс. документов по истории Сибири. Именно Миллер сохранил их для будущего: подлинники этих документов большей частью сгорели либо были уничтожены в XVIII — XIX вв.

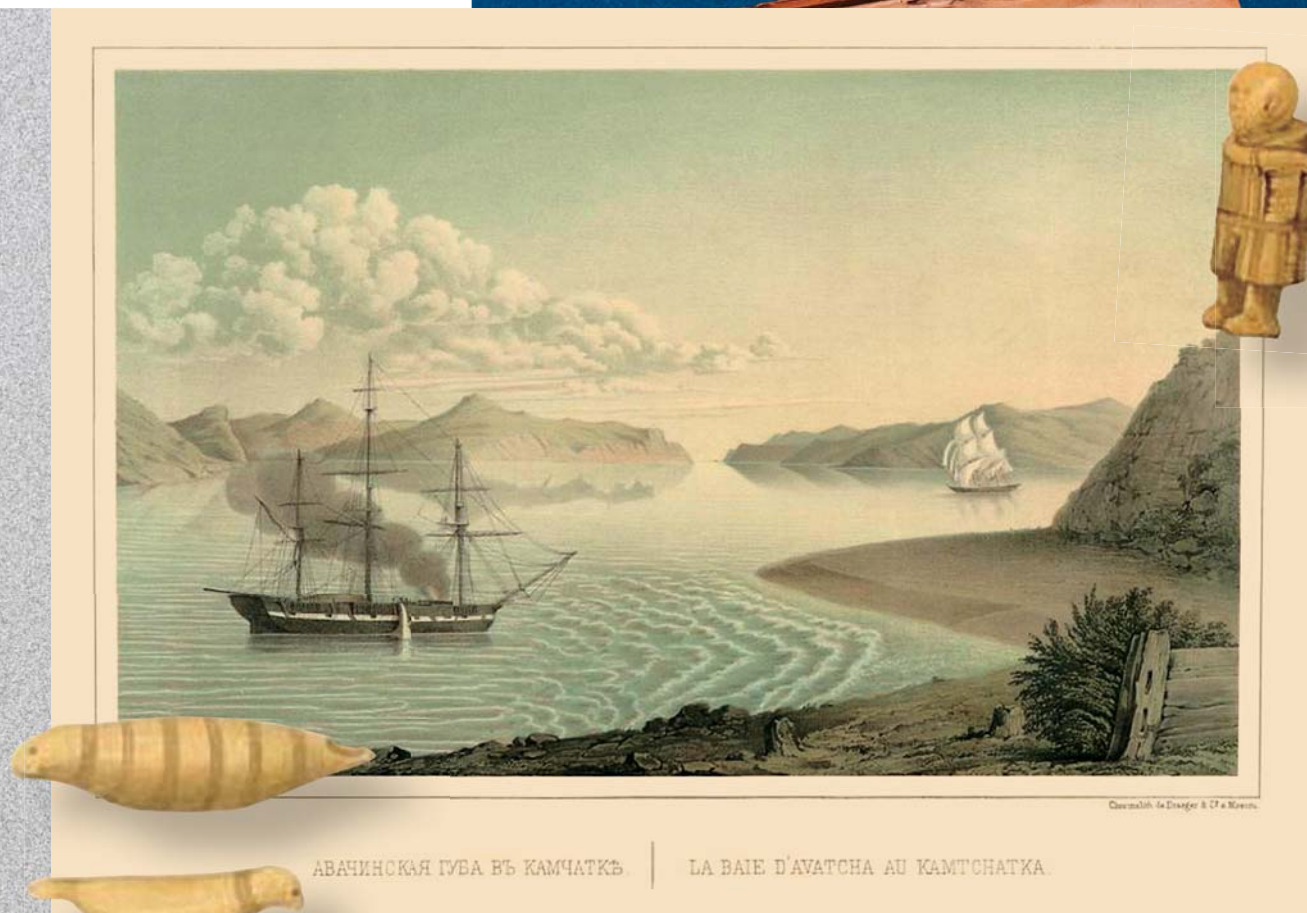
Из первых уст

Один из самых драматичных и кровавых периодов в истории русско-корякских отношений приходится на 1708—1715 гг. События этих лет известны историкам главным образом по документам Якутского архива, скопированным академиком Г. Ф. Миллером.

Эти копии Миллер, руководитель академического отряда Второй Камчатской экспедиции, сделал во время своего пребывания в Якутске с 4 сентября 1736 г. по 9 июля 1737 г. (сегодня эти документы хранятся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН). Наиболее важные из них (грамоты, отписки анадырских и камчатских приказчиков и руководителей военных походов против коряков, «распросные речи» служилых и др.), характеризующие русско-корякские отношения в первой четверти XVIII в., были опубликованы в конце XIX в. С содержанием всех этих источников Миллер ознакомился еще во время пребывания в Якутске. Историка очень заинтересовали события, связанные с открытием и освоением Камчатки, восстания коренных народов региона, их причины и последствия.

Находясь в Якутске, Миллер узнал, что некоторые участники интересовавших его событий начала века еще живы, и постарался получить дополнительную информацию «из первых рук». Большой удачей для него стало знакомство с сыном боярским Иваном Львовым, который по требованию Миллера был срочно доставлен в город из отдаленных волостей, где находился для закупки скота. Свое желание непременно встретиться с Львовым ученый объяснял тем, что «...известился, что якуцкой сын боярской Иван Лвов... о разных обстоятельствах Якуцкого уезда и анадырских и камчатских странах подлинно розказать может, понеже он неоднократно бывал во многих дальних посылках... с дворянином Афанасьем Петровым был в походе из Анадырского острогу на Камчатку, как ево, Петрова и двух камчатских прикащиков, Василия Колесова да Ивана Енисейского, олюторские коряки побили».

Среди экспедиционных материалов Миллера нами обнаружено несколько записей, в которых отражены результаты бесед историка с Львовым. Среди них представляют наибольший интерес два документа. Первый из них — это «скаска» на русском языке, возможно, написанная самим Львовым; предваряет текст оглавление Миллера на немецком языке. Второй — фрагмент из полевого дневника путешественника, написанного на том же языке. Оба источника представляют собой показания Львова о походе анадырских служилых против олюторских коряков в 1713—1715 гг. Центральное место в них отведено осаде и разгрому олюторского острога Большой посад. Тексты документов не совпадают и взаимно дополняют друг друга.

Вскоре Миллеру удалось встретиться с еще одним участником походов против коряков — отставным служилым Василием Атамановым. В записанном на немецком языке рассказе Атаманова даются подробные сведения о двух крупных походах против пенжинских коряков в 1708—1709 гг. и против олюторских коряков в 1713—1715 гг.

Львов и Атаманов — люди весьма осведомленные, к тому же в описываемых событиях играли далеко не последнюю роль. Так, в ходе военных экспедиций анадырских служилых было основано два русских острога. Атаманов руководил строительством первого — Пенжинского, а во втором — Олюторском (Архангельском) — он был оставлен *закащиком* (начальником). О достаточно высоком положении Львова среди участников похода 1713—1715 гг. говорит тот факт, что одна из отписок руководителя похода А. Петрова подписана также и Львовым. Приводимые этими информаторами сведения не только уточняют многие детали походов против пенжинских и олюторских коряков — некоторые их сообщения являются без преувеличения уникальными. В совершенно ином свете предстает, в частности, разгром служилыми олюторского острога Большой посад во время похода 1713—1715 гг.

Масштабная военная экспедиция против непокорных олюторских коряков планировалась якутскими властями задолго до 1713 г., но всякий раз она откладывалась из-за недостаточности сил гарнизона Анадырского острога (Анадырска) — форпоста русской власти на северо-востоке Сибири. Для усиления анадырских служилых в 1708 г. из Якутска был послан отряд сына боярского и пятидесятника Ефима Петрова, который стал приказчиком острога. В числе вновь прибывших служилых был и Василий Атаманов.

Отряд прибыл в Анадырск в конце октября 1708 г., и вскоре, в канун Нового года, Петров возглавил поход против пенжинских коряков, живших на р. Пенжина, соседних речках и морском побережье. Поводом для карательной экспедиции, по словам Атаманова, послужило убийство коряками Чендонского острога двух ясачных сборщиков, посланных Петровым, — у них, пока они еще были живы, были вспороты животы и вырваны внутренности. Целью похода было отмщение и приведение в покорность неясачных или условно ясачных пенжинских коряков (которые платили ясак нерегулярно или в размере, который определяли сами). На самом деле ясачные сборщики были посланы предыдущим приказчиком Анадырска, а об их убийстве

Петров узнал лишь в 1709 г. Можно предположить, что целью похода было не только закрепление пенжинских коряков в русском подданстве, но и подготовка плацдарма для более масштабной экспедиции против олюторского Большого посада.

Пенжинские коряки были в основном «сидячими», т. е. оседлыми, не имели оленей и занимались рыбной ловлей, а на морском побережье еще и зверобойным промыслом. Их семь главных поселений в документах того времени именовались острогами, хотя далеко не все они соответствовали данному определению. Согласно показаниям Атаманова, лишь Акланский и Чендонский имели острожные укрепления, состоявшие из вкопанных в землю бревен. Оборонительное сооружение Каменного острога, располагавшегося на высокой скале, состояло лишь из каменного вала, где был лаз, который вел внутрь. Остальные «остроги» не имели никаких укреплений.

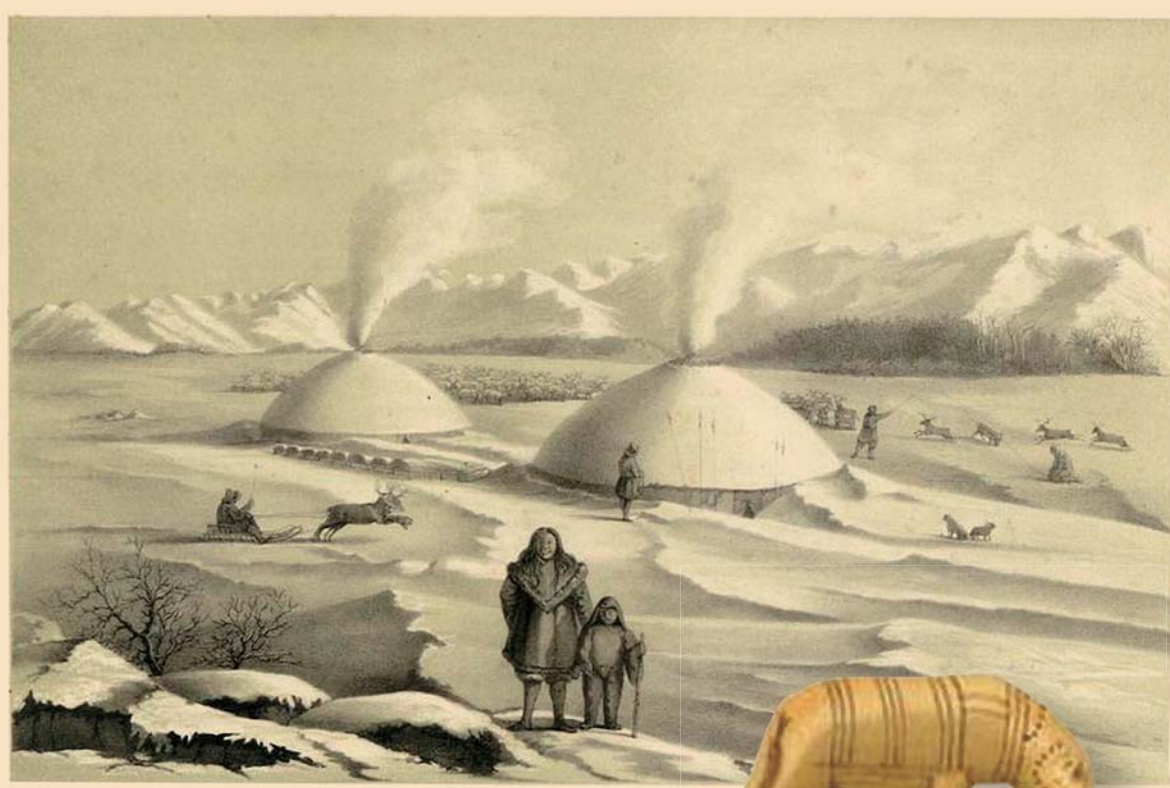
«К острогу велел боем приступати»

Описания похода 1708–1709 гг., сделанные его руководителем Петровым в отписках в Якутск и Атамановым, разительно отличаются друг от друга.

Согласно версии Петрова, поход проходил в неимоверно тяжелых условиях и сопровождался непрерывными ожесточенными сражениями с превосходящими силами противника. Служилым противостояли не только массы свирепых корякских воинов, но и мощные оборонительные сооружения. При этом экспедиция достигла всех поставленных целей: пенжинские коряки были окончательно покорены и в ходе ожесточенных сражений понесли огромные потери. В частности, Петров писал, что Каменный и Косухин остроги были взяты «боем» и во время штурмов «убито непокорщиков коряк 50 человек». Особенно ожесточенным, по его словам, было сопротивление защитников Чендонского острога: «И видя их злой нрав и непокорство, к острогу велел боем приступати; и помощью Всесильного Бога,

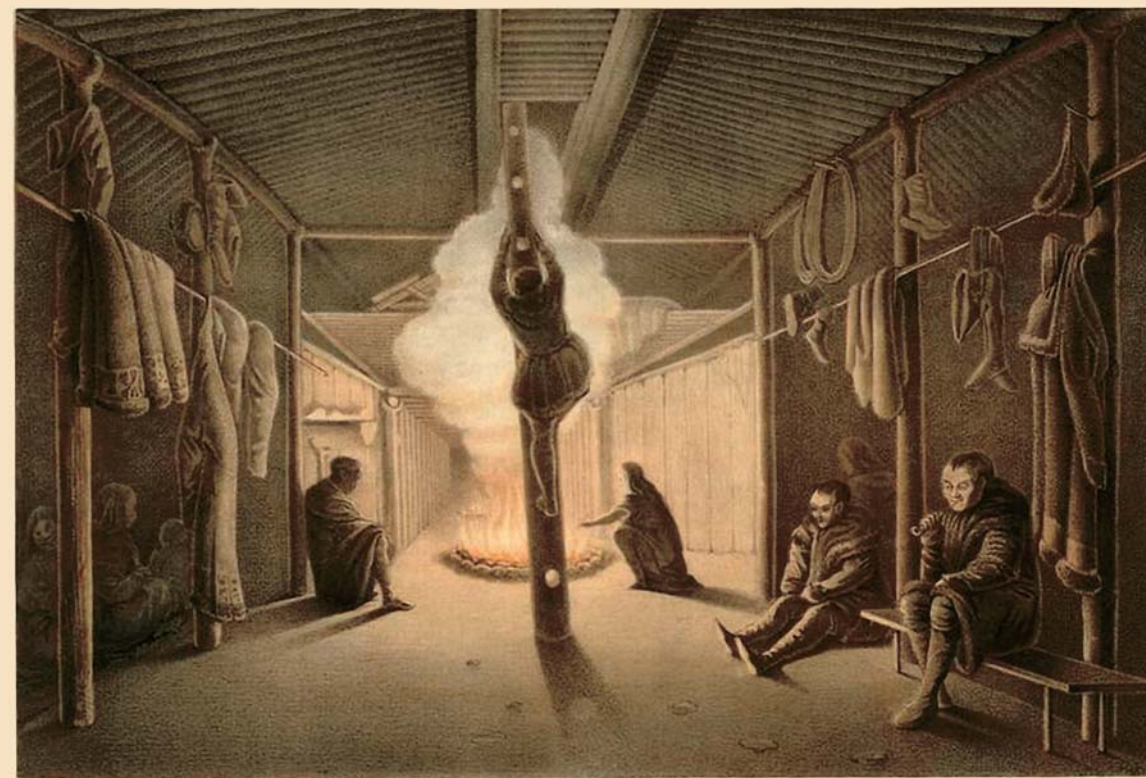

По месту жительства и образу жизни коряки подразделялись на кочевников («оленных») и оседлых («сидячих»). Существование первых зависело от оленеводства; оседлые коряки добывали пропитание охотой, зверобойным промыслом и рыболовством. Жилищем кочевых коряков была каркасная переносная яранга на основе шестов в виде треног, соединенных перекладинами. На этот остов натягивали покрывку, сшитую из оленьих шкур мехом наружу. Оседлые коряки чаще жили в полужемлянках. При их сооружении в круглую яму глубиной до 1,5 м вкапывали столбы, между которыми вбивали расколотые вдоль бревна. К стене, обращенной к морю, пристраивали углубленный в землю крытый коридор. Законопаченные сухой травой или мхом стены, крышу и коридор засыпали землей. В период промыслового сезона входили через коридор, зимой – через верхнее отверстие, по центральному бревну с зарубками

СТОЙБИЩЕ ОЛЕННЫХЪ КОРЯКЪ

CAMPMENT DES KORIAKS NOMADES.

ВНУТРЕННОСТЬ ЮРТЫ СИДЯЧИХЪ КОРЯКЪ.

INTÉRIEUR D'UNE YOUTE DES KORIAKS SÉDENTAIRES.

ИЗДЕЛИЯ КОРЯКЪ

1.2. Копье 3.4. Ножик 5. Дорожный нож 6. Нож для разделки рыбы
7.8. Кухлянки для травы 9.10. Трубка 11. Табакерка 12. Костяная серьга
13.14. Пряжки для пояса

И сегодня типичное женское занятие у коряков – художественная обработка кожи и меха. Традиционное украшение рубахи-кухлянки – мозаичные полосы в виде широкой каймы

Традиционные домашние промыслы коряков – обработка дерева, кости, металла, камня, а также плетение и выделка шкур. В древности им было известно и гончарство. Из дерева коряки изготавливали олени и собачьи нарты, лодки, древки копий и гарпунов, челноки для плетения сетей и т. д.; из камня – топоры и наконечники копий. Кости и рога оленя и горного барана использовались для изготовления домашней утвари, ножей для разделки рыбы, наконечников гарпунов, тормозов для оленьих нартов и многих других бытовых предметов. Из моржового клыка и рога вырезались культовые предметы и украшения: миниатюрные фигурки людей и животных, костяные серьги, ожерелья, а также табакерки и курительные трубки, украшенные гравировкой

во многом приступе, на приступную стену служилые люди и ясачные иноземцы сбежались, а сбежав на стену, со стены бились с теми ворами, чаю быть, часа полтора». Во время штурма и в огне подожженных по приказу Петрова юрт погибло якобы «ста с три и болши крепкого бойца».

Мотивация для составления Петровым такого рода победных реляций очевидна: в отписках он предстает умелым и эффективным командиром, который решил болезненную для властей проблему сразу после назначения его приказчиком Анадырска, чего не смогли сделать предшественники в этой должности. Признание его заслуг якутскими и московскими властями открывало для Петрова возможности карьерного роста.

Участник этого похода Атаманов дал иную информацию о ходе и результатах экспедиции, а отписки Петрова называет «напрасным хвастовством». По словам Атаманова, почти все корякские остроги были захвачены служилыми без особых усилий, поскольку при приближении их отряда все боеспособные мужчины укрылись в горах, оставив в поселениях лишь стариков, женщин и детей, которые большей частью были перебиты (исключая часть детей, обращенных в рабство). Попытка Петрова добиться полной покорности оленных коряков в районе р. Ерохон, которые лишь условно признавали русскую власть и уплачивали незначительный «вольный» ясак, не увенчалась успехом. По прибытии служилых оленные коряки бежали к оседлым сородичам, которые укрепили свое поселение на высокой горе на морском побережье. Петров не решился штурмовать укрепление и отправился в обратный путь до Анадырска.

Конечно, нельзя утверждать, что приведенные показания Атаманова объективны и точны во всех деталях. Вполне вероятно, что на его оценки повлияли личные неприязненные отношения с Петровым, а также понятное желание подчеркнуть собственные заслуги. Однако в главном, судя по всему, Атаманов был прав. Подтверждением правдивости его информации относительно напрасного хвастовства Петрова служит отписка приказчика камчатских острогов О. Липина, посланная якутскому воеводе 27 сентября 1710 г.: «А на усть Пенжины близь моря, Косухина острогу и Каменной, которые громил Ефим Петров, и те остроги ныне паче укреплены и людей в них населилось много болши старого, а ясаку 709 и 710 годех не платили».

По сообщению Атаманова, отряд Петрова вернулся в Анадырск весной 1709 г., и почти одновременно сюда из Якутска прибыл отряд служилых под руководством казака Ивана Белобородова с наказом построить на Пенжине русский острог. Согласно этому документу, строительство поручалось Петрову и Белобородову. Белобородов приходился «братаном» Петрову, поэтому последний освободил его от столь тяжелой работы, а вместо себя послал Атаманова.

Команду Атаманова из 40 служилых составили в основном прибывшие с Белобородовым из Якутска; большинство анадырских служилых откупилось от этой работы. Острог из топольника и осинника в виде четырехугольного заплота с четырьмя зимовьями внутри был построен осенью 1709 г. на острове посреди р. Пенжины, приблизительно в 120 верстах выше устья р. Аклан. Отметим, что датой возведения Пенжинского, или Акланского, острога нередко ошибочно указывается 1708 г., а его основателем называется Петров. Подтверждением этому служил документ, составленный Петровым в 1710 г. после возвращения в Якутск, где автор утверждал, что «по указу великого государя острог на Пенжине реке он, Ефим, построил». Атаманов при этом не был даже упомянут.

Основание Пенжинского острога, находившегося на пути от Анадырска до олюторских поселений, позволило русским властям начать подготовку новой крупной военной экспедиции, основной целью которой должен был стать разгром олюторского острога Большой посад. Атаманов сообщил, что предпринятые ранее неоднократные попытки покорить Большой посад успеха не имели. Более того, оборонный потенциал олюторских коряков возрос за счет захваченного у русских большого количества огнестрельного оружия, пороха и свинца. Наконец, в наказе анадырскому приказчику Петрову от 16 января 1713 г. было велено: «На олютор Большой посад и на... Тумлацкие реки коряк итить войною и тех иноземцов разорить и камчацкой путь совершенно очистить».

ЗИМНЯЯ ДОРОГА ПО БЕРЕГУ ОХОТСКОГО МОРЯ.

ROUTE D'HIVER SUR LES BORDS DE LA MER D'OKHOTSK.

Отправление экспедиции под командованием Петрова из Анадырска состоялось в конце декабря 1713 г. Помимо русских служилых в походе приняли участие многочисленные союзные юкагиры. В районе речки Кузминой отряд около трех недель ожидал подхода призванных сюда ясачных коряков с рек Опука, Покача и др., которые также значительно пополнили численность сводного отряда. К Большому посаду отряд прибыл 20 февраля 1714 г.

«На олютор Большой посад итить войною»

Об осаде и взятии олюторского Большого посада до недавнего времени было известно лишь в самых общих чертах, в основном по кратким отпискам А. Петрова. По этим документам трудно судить о том, что из себя представляло это поселение, какова была его численность, как протекала осада на всех ее этапах и т.п. Скучность достоверных сведений объясняется тем, что сам Петров и большая часть служилых его отряда были убиты после разгрома олюторских острогов восставшими юкагирами — союзниками русских в данном походе,

к которым после этого примкнули и коряки. Анадырским и якутским властям в этих условиях было не до выяснения подробностей, связанных с уничтожением столь досаждавшего им ранее Большого посада.

В научной литературе о Большом посаде и его гибели давались лишь самые общие сведения. Так, в монографии И. С. Вдовина (1973), посвященной этнической истории коряков, все события 1714 г. вместились в одну фразу: «В одном из столкновений камчатских казаков при содействии алюторцев — жителей с. Култушного был полностью уничтожен «Большой алюторский острог»». Во многих научных трудах Большой посад и вовсе именуется «острожкой».

Атаманов и Львов дали такие сведения об этом поселении. Олюторский острог Большой посад находился на высокой скалистой горе на берегу морской бухты, воды которой окружали гору с двух сторон (здесь высота горы достигала 30 сажень, или более 60 м). С третьей стороны подход к острогу преграждал небольшой залив, в который впадала речка (гора тут была меньшей высоты, около 20 сажень, но очень крутая), так что подойти к укреплению можно было лишь с материковой стороны по пологому склону высотой в 10 сажень.

КАМЧАТСКІЯ СОБАКИ

CHIENS DU KAMCHATKA

Укрепления острога состояли, во-первых, из четырехугольной стены со сторонами длиной в 50 сажень, по утверждению Львова, или 100 сажень, по словам Атаманова. Полагаем, что более верна оценка Львова, поскольку трудно представить, что площадь острога могла превышать 4,5 га, да и при длине стен в 50 сажень эта площадь превышала 1 га. Стена состояла из внешних и внутренних земляных валов, покрытых дерном, над которыми возвышался частокол из двойного ряда столбов, пространство между которыми шириной в 1 аршин (71 см) было засыпано землей, щебнем и камнями. Высота стены превышала 2 сажени (более 4 м). Это был нижний острог, на его углах имелись «выпуски» на столбах, из которых можно было обстреливать противника, вплотную подошедшего к стенам.

Через валы и стены, общей толщиной в 2,5 сажени, в крепость вели трое ворот змееобразной конфигурации, что должно было исключить возможность попадания пушечных ядер внутрь укрепления при стрельбе прямой наводкой. За стенами нижнего острога имелся еще один (верхний) небольшой острог, представлявший собой вторую линию обороны, стены которого высотой в 1 сажень изнутри были обложены дерном.

Ездовые псы были на Камчатке единственным надежным видом зимнего транспорта: в 1876 г. там было зарегистрировано около 10 тыс. собак! Собачьи упряжки уступали оленьим в скорости, но зато не требовали специального ухода, поэтому ездовые собаки очень ценились. При воспитании собак коряки чаще использовали ласку и доброе слово, чем палку; оседлые пристраивали к домам бревенчатые «конуры» для сук и щенков. Кроме езды, собаки служили у коряков жертвенными животными, помощниками на охоте, а их шкуры использовались для пошива одежды

В стенах и нижнего, и верхнего острогов имелись бойницы, завешенные травой. В крепости располагались 40 зимних жилищ (вероятно, это были традиционные полуземлянки) квадратной формы со сторонами от 4 до 10, по словам Атаманова, или 7—8 сажень, по словам Львова, а также летние «шалаши», расположенные над землей на высоких столбах. Подступы к летним жилищам защищала стена из байданных решеток, обложенных дерном. Поскольку в окрестностях Большого

посада не было лесов с большими деревьями, можно предположить, что эти столбы были изготовлены из *плавника* – выброшенных на берег древесных стволов (известно, что такие деревья попадали на побережье даже из Северной Америки).

Численность населения острога можно определить лишь приблизительно. Атаманов сообщал: «Находившиеся там мужчины насчитывали до 1500 человек, годных к войне, не считая женщин и детей». Львов также оценивал мужское население в полторы тысячи человек, включая 700 «добрых бойцов», а также подростков и холопов (мальчики младшего возраста и старики в это число не входили). Если исходить из принятых методов определения общей численности коренного населения путем умножения на четыре числа плательщиков ясака или числа воинов, то все население острога должно было достигать 4–6 тыс. человек.

Цифры эти, на первый взгляд, выглядят фантастическими. Оценки численности олюторских коряков в начале XVIII в. даются историками на основе данных середины этого столетия, когда появились первые обобщающие сведения о числе ясачных олюторцев. По расчетам Б. О. Долгих (1960), в конце XVII – начале XVIII в. насчитывалось около 1025 олюторцев. И. С. Гурвич (1966) считал, что эти данные несколько занижены и не учитывают в полной мере потери коряков в ходе военных экспедиций анадьрских служилых. Он определил численность олюторцев на начало века в 1300 человек. Однако эти исследователи не располагали данными, которые были предоставлены Миллеру его информаторами. А ведь Большой посад был хотя и самым крупным, но не единственным олюторским поселением: в 1704 г. камчатский приказчик В. Колесов насчитал 9 олюторских острогов.

Вполне возможно, что информаторы Миллера преувеличивали численность противника (это было общей практикой), но в любом случае олюторский Большой посад был крупнейшим аборигенным поселением Сибири в первой половине XVIII в. По числу жителей, размерам и мощности укрепления он мог соперничать не только с русскими острогами и слободами в Сибири, но даже с городами, такими как Нарым, Нерчинск, Селенгинск, Туруханск, Пельым, Сургут. Современники, видевшие Большой посад до его разрушения, были, несомненно, поражены его размерами и неприступностью. Примечательно, что русские служилые в данном случае использовали не такие привычные в отношении аборигенных укрепленных поселений названия – городок, острожек, а определение, применявшееся обычно к русским городским поселениям, – *посад*.

«Все было предано огню и смерти»

О том, что взятие Большого посада не было результатом заурядного «столкновения», свидетельствует его полугодовая осада многочисленным отрядом хорошо вооруженных анадьрских служилых, а также юагиров и коряков – случай беспрецедентный в военной практике сибирских казаков.

Увидев крепостные сооружения Большого посада, А. Петров вынужден был признать, что о скором штурме не может быть и речи. Было решено взять укрепление измором: имелись все основания полагать, что эта тактика будет успешной. Появление огромного отряда служилых и их союзников оказалось неожиданным для защитников, которые даже не успели перенести с берега моря в острог свой основной провиант,

заготовленную сушеную рыбу, она досталась русским. К несчастью защитников Большого посада добавилась острая нехватка пресной воды, а зачастую и ее полное отсутствие. Олюторы, основываясь на предыдущей практике военных действий, были уверены, что русские служилые не используют метод длительной осады, а, получив отпор, отправятся восвояси. Поэтому в поселении на высокой скале не оказалось запасов пресной воды.

Не оправдались надежды жителей Большого посада и на помощь сородичей из соседних острогов, которые могли бы действовать в тылу противника. При появлении русских в Большом посаде зажгли сигнальный маяк, а вслед за этим и в других острогах вдоль побережья. Руководители экспедиции, оценив ситуацию, приняли решительные меры, отправив значительные силы на захват этих острогов. Самый большой из них, Култушный (с населением около 600 человек), сдался без сопротивления, заплатил ясак со 120 человек, выдал 7 аманатов и в дальнейшем оказывал содействие осаждавшим в качестве вспомогательной силы. Большинство других острожков также заплатили ясак и выдали аманатов. Рассказывая об этом, Львов добавляет: «Да сверх того два острога выжгли, а людей прибили».

Основные силы осаждавших расположились примерно в 200 м от стен острога, вне досягаемости огнестрельного оружия коряков. Чтобы обороняться от вылазок защитников, для караульных служилых и для стрельбы были построены восемь древесно-дерновых острожков, окруженных стеной из кольев, перевитых прутьями. Поскольку долгое время никаких признаков того, что Большой посад готов к капитуляции, не было, решили попытаться сжечь крепостную стену. Для этого на 16 марта были сооружены щиты, обтянутые оленьими шкурами

и снабженные бойницами, еще один щит прикрывал пушку. Под защитой щитов начали сооружать вал из снопов кедрового сланца, перевитых прутьями (по определению Атаманова, вал был шириной около трех сажень (6 м), а высотой до двух (около 4 м). Этот вал под защитой щитов перемещали к стене, перебрасывая снопы вилами с внутренней стороны на внешнюю.

20 апреля, когда расстояние от вала до стены составляло лишь около 7 сажень, произошло непредвиденное: защитники забросали вал зажженными мешками с травой, порохом и тюленьим жиром. Вал загорелся, коряки начали стрельбу из огнестрельного оружия, и служилым удалось ретироваться не без потерь, в частности, был убит пушкарь. После этого оставалась надежда лишь на «измор», и острог был окончательно блокирован со всех сторон.

Жители Большого посада оказались в отчаянном положении, в особенности из-за отсутствия воды. Вылазки для ее добычи обычно оказывались безрезультатными и сопровождались большими потерями. Положение осаждавших также было непростым: во время стычек они израсходовали почти все свои запасы пороха и свинца. Голод постепенно так изнурил жителей острога, что нередкими стали случаи поедания мертвых. В конце осады почти каждую ночь в лагерь русских перебежали люди – сначала русские перебежали люди – сначала лишь женщины, девушки и дети, а затем изредка и мужчины.

Когда в поселении оставалось лишь около 300 мужчин, способных носить оружие, перебежчики стали утверждать, что из защитников никого в живых не осталось. Только тогда Петров решил отдать приказ о штурме, но, как отмечает Атаманов, «он приобрел такую смелость, что потерял много людей». Когда служилые 6 августа поднялись на крепостную стену, то увидели перед собой небольшой

внутренний острог, в который отступили последние корякские воины. Этот острог забросали ручными гранатами, от которых взорвался бочонок с порохом, что привело к большим разрушениям укреплений. Завершает свой рассказ об осаде Атаманов так: «Наконец, все было предано огню и смерти. Перебежчики, давшие ложные сведения, были также убиты». Среди трофеев в руках служилых оказалось несколько десятков пшелей и турок, десятки фунтов пороха, свинец и около 40 железных куяков.

«Все русские почти одновременно лишились жизни»

После уничтожения Большого посада отряд А. Петрова ушел на р. Олютору, в то место, где обычно строились суда, отправлявшиеся на Камчатку, и приставали суда, идущие оттуда. Здесь был построен опорный пункт русской власти в регионе – Олюторский Архангельский острог. Для строительства пришлось использовать тальник толщиной примерно в руку, поскольку более крупные деревья можно было найти лишь на большом удалении. Для жилья внутри острога соорудили несколько юрт, засыпанных землей.

Поздней осенью в острог с Камчатки прибыл отряд служилых во главе с приказчиками Василием Колесовым и Иваном Енисейским с камчатской ясачной казной, состоявшей из 6710 соболой, 761 лисицы, 166 бобров, а также других мехов и золота с разбившегося японского судна. Сводный отряд служилых Петрова и камчатских приказчиков в сопровождении большого числа союзных юкагиров отправился в Анадырский острог. В Олюторском Архангельском остроге был оставлен гарнизон из 70 служилых во главе с Атамановым, а также аманаты из числа оленных коряков. Вскоре сюда прибыл отряд приказчика

Василия Петриловского, посланного из Анадырского острога на Камчатку.

Последовавшие затем события, описанные Атамановым, оказались трагическими уже для русских служилых. Камчатские приказчики, отправившиеся в Анадырский острог вместе с Петровым, некоторое время спустя из-за нехватки продовольствия и медленного продвижения огромного обоза отделились и отправились налегке вперед, оставив ясачную казну на попечение служилых отряда. Вскоре после этого во время сильной пурги юкагиры, численно значительно превосходившие русских, перебили всех служилых. Судя по всему, план внезапного нападения был тщательно подготовлен: «Юкагиры разделились между нартами таким образом, что все русские почти одновременно лишились жизни. На каждого русского с обеих сторон выступило по юкагиру».

Атаманов назвал несколько основных причин, по которым юкагиры пошли на столь отчаянный шаг в отношении вчерашних союзников. На первое место он поставил несправедливость в распределении провианта, что поставило юкагиров на грань голодной смерти. Съестных припасов (рыбы и мяса), заготовленных во время пребывания в Олюторском Архангельском остроге, а также более 2 тыс. каргинов («неезжалых» оленей), взятых у ясачных оленных коряков в качестве живого провианта, должно было хватить и русским, и юкагирам, если бы отряд не пополнился служилыми из команды камчатских приказчиков. Провиант вначале распределялся, на первый взгляд, справедливо: все участники похода получали равную долю, например, каждому русскому и каждому юкагиру выдавали по одному каргину на неделю. Служилым этого было вполне достаточно, но юкагиров сопровождали их жены и дети, так что еды им хватало лишь на 2–3 дня в неделю, а в остальные дни они вынуждены были голодать.

Вторая причина, названная Атамановым, – «от осады». Во время похода к Большому посаду каждый юкагир имел оленей и нарты для перевозки семьи, юрты и провианта. На обратном пути Петров отобрал у них все оленьи упряжки с нартами, оставив только по одной для перевозки юрт, и отдал их камчатским приказчикам и всем служилым, а также для перевозки ясачной казны. Служилые ехали на нартах, а изможденные голодом семьи юкагиров вынуждены были идти пешком. Наконец, третьей причиной явилось известие из Анадырска, что там началась первая в этих краях эпидемия оспы, от которой умерли все юкагирские аманаты. До этого покорность юкагиров во многом была обусловлена наличием у русских властей таких заложников-сородичей.

Уничтожение отряда Петрова послужило толчком к началу масштабного восстания, в котором, помимо юкагиров, приняли участие как ясачные, так и «немирные» коряки, которые, собравшись вместе, с 12 февраля

по 20 мая осаждали Олюторский острог. Гарнизону удалось отбить все попытки захватить укрепления, однако потери служилых были немалыми: во время одной из вылазок они потеряли 20 служилых, еще около 30 были убиты в районе р. Покачи, куда они отправились еще до начала восстания для реквизиции оленей у местных коряков. Коряки, по примеру русских, попытались взять острог измором, однако этому помешало весеннее наводнение, вынудившее восставших отойти. Этим воспользовались осажденные, которые на шести оставшихся у них лодках (остальные были сожжены коряками) сумели, захватив с собой собранный ясак, оружие и боеприпасы, добраться до Камчатки.

Олюторский Архангельский острог был сожжен восставшими. Позднее, осенью 1732 г., неподалеку от него в соответствии с указами Сената и Верховного тайного совета от 1727 г., а также по распоряжению командира Анадырской партии капитана Тобольского драгунского полка Д. И. Павлуцкого, был построен новый Олюторский острог. С этим укреплением, однако, по свидетельству Атаманова, «получилось еще хуже, так как многие русские при этом потеряли жизни». На этот раз в осаде и уничтожении острога, которое произошло в 1733 г., основную роль сыграли олюторские коряки. А вслед, как и в 1715 г., началось очередное масштабное восстание коряков.

Примечательная деталь: рассказывая об осаде Олюторского Архангельского острога, Атаманов «забывает» упомянуть, что он и его товарищи не только воевали с «изменными» коряками, но и вели с ними бойкую торговлю. В распоряжении коряков оказалась значительная часть ясачной казны, захваченной юкагирами во время уничтожения отряда Петрова. Атаманов выменивал меха из этой казны «на себя» и «войсковое» на табак, не смущаясь того, что многие связки соболой были опечатаны казенной печатью.

События, произошедшие в начале XVIII в. на российских землях, заселенных коряками, имели далеко идущие последствия.

Карательные экспедиции анадырских служилых против пенжинских и олюторских коряков и восставших юкагиров привели к сокращению численности местного населения (соответственно сократился объем взимаемого ясака) и ослабили его боеспособность. Активизация грабительских набегов чукчей, оттеснявших коряков и юкагиров на юг и запад и угонявших их стада оленей, нарушение традиционных связей между различными этническими группами коряков и их соседями – вот далеко не полный перечень бед, обрушившихся на коренных жителей региона.

Борьба коряков за независимость продолжалась еще несколько десятилетий, однако силы были слишком неравными. В начале второй половины XVIII в. сопротивление коряков было окончательно сломлено.

Литература
Вдовин И. С. *Очерки этнической истории коряков*. Л., 1973. 303 с.

Гурвич И. С. *Этническая история народов северо-востока Сибири // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия*. М., 1966. Т. 89. 276 с.

Долгих Б. О. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия*. М., 1960. Т. 55. 623 с.

Зуев А. С. *Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII в.)*. Новосибирск, 2009. 443 с.

Крашенинников С. П. *Описание земли Камчатки*. М.; Л., 1949. 841 с.

Элрт А. Х. *Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Русское общество и литература позднего феодализма*. Новосибирск, 1996. С. 247–264.

Элрт А. Х. *Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири*. Новосибирск, 1990. 246 с.

Памятники сибирской истории. СПб., 1882. Кн. 1. 552 с.

Памятники сибирской истории. СПб., 1885. Кн. 2. 541 с.

РГАДА. Ф. 199. Портф. 365. Ч. 1. Д. 2.

РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Ч. 2.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Ч. 1. Д. 25.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 30–34.

В публикации использованы иллюстрации из кн. «Путешествие по Восточной Сибири» И. Бульчова (1856), а также фотографии К. А. Сагалаева из сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск)